

ЭГОИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ В ТРУДАХ М. ШТИРНЕРА И Ф. НИЦШЕ

© 2016

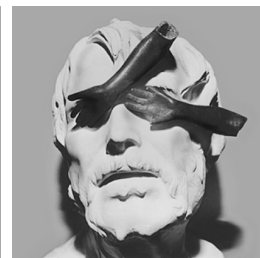
К.А. Куреных

Выбор для сравнительного анализа именно этих мыслителей не случаен. Оба философа предложили в Новейшей истории последовательные проекты нравственного обоснования эгоизма; они утверждали, что эгоизм не только совместим с моральностью, но, более того, истинная мораль не может существовать без эгоизма. М. Штирнер — первый, кто прямо назвал себя эгоистом [15, р. 75]. Он попытался дать теоретическое обоснование эгоизма как практической установки, наиболее приемлемой и даже наилучшей для каждого человека. Его идеи в значительной степени развил Ф. Ницше.

Имя М. Штирнера обычно связывается с радикальным анархизмом, но его философия имеет и ярко выраженное этическое содержание. Уже в названии своего главного труда “Единственный и его собственность” Макс Штирнер дает понять читателю, что в книге ему придется иметь дело с особым миром, с миром эгоиста. В обыденном сознании слово “эгоизм” имеет отрицательные коннотации. Но Штирнер резко критикует обыденность вместе с традиционными религиозными, моральными, социальными и политическими установками его времени.

Автор в лучших критических традициях младогегельянства начинает свое сочинение о человеке с разоблачения сил, которые властвуют над личностью. В древности это были силы природы, теперь же тираном стал дух или идея. “Кого Ты считаешь эгоистом?” — спрашивает Штирнер и тут же дает ответ: “Человека, который вместо того, чтобы служить идее, то есть духовному, и приносить ей в жертву свою личную выгоду, служит именно своей выгоде” [10, с. 29].

Человека на протяжении всей жизни окружают духи, а его главной целью становится одухотворение. Истина, Бог, государство, человечество — все это идеи, которые поработают личность и заставляют ее служить им. Эти и подобные им категории не порождены в нас естественным ходом жизни, а при-

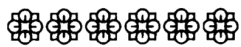

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ**

**Куреных
Ксения**

Андреевна — аспирантка кафедры этики философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: black_deep@inbox.ru

внесены извне. Возбужденные чувства — это “чувства собственные, эгоистические, ибо они мне не внушены, не навязаны, к первым (внушенным) же Я приноравливаюсь, ношу их в себе как наследие, культивирую их, ими Я одержим” [там же, с. 61]. Но от одержимости, страшной болезни, можно излечиться, а лекарство — это эгоизм.

Было бы опрометчиво утверждать, что Штирнер призывает каждого человека стать эгоистом: “У меня нет никакого призвания, и я не следую никакому призванию — даже призванию быть Человеком” [там же, с. 135]. В каждый момент своей жизни индивид уже человек, он таковым рождается и умирает. Глупо стремиться к тому, что уже имеешь: “Все Мы слишком совершенны! Ибо в каждое данное мгновение Мы — все, чем Мы можем быть, и Мы вовсе не должны быть большим” [там же, с. 346]. Более того, каждый человек уже эгоист, но жажда власти над собой абстрактной идеи заставляет всячески порицать любое эгоистическое проявление. Тогда человек оказывается в затруднительном положении: одновременно он — эгоист и не эгоист.

Выход есть — нужно стать своей собственностью: “Моя мощь — моя собственность. Моя мощь дает мне собственность. Моя мощь — Я сам, и благодаря ей я — моя собственность” [там же, с. 173]. Отныне все мои мысли являются моей собственностью, а это значит, что ни одна идея не сможет диктовать мне, что делать, к чему стремиться и как жить. Я пользуюсь мыслями, пока они удовлетворяют мои желания. Но и желания не могут властвовать надо мной. Я могу легко от них отказаться и пожелать иного, даже совершенно противоположного. Другими словами, владеть своими мыслями означает отсутствие необходимости обращаться к каким-либо доктринам и принципам, чтобы оправдать свои предпочтения, действия и любые проявления индивидуальной воли [12].

Принимая эгоистическую позицию, уже невозможно вступать в традиционные личные, социальные и политические отношения. Другой человек для эгоиста не может считаться ближним и равным: “Гипотеза, будто все другие люди — нам подобные, создана лицемерием. Нет никого мне подобного, ибо всякого и всякое Я рассматриваю как свою собственность” [10, с. 299]. Каким же образом эгоисты будут организовывать взаимодействие между собой? М. Штирнер утверждает, что единственная форма общности людей, которая не угнетает в силу собственного своеобразия, — это союз. Он возникает, когда людям это выгодно, и исчезает при смене индивидуальных интересов и стремлений. Союзники не связаны никакими узами, кроме своей выгоды, а значит, эгоист не жертвует своеобразием, остается самим собой: “Как единственный, Ты можешь утвердить себя исключительно в союзе, ибо не союз владеет тобой, а Ты владеешь им или пользуешься им” [там же, с. 300].

Эгоист — Единственный, а весь мир — его собственность. Эгоизм — позиция, которая служит реализации Я. В том, что это действительно глубоко этическая позиция, сомневаться не приходится. Ведь для Штирнера хорошее является синонимом личностной автономии, эгоизма, а плохое — зависимости от чего бы то ни было, отсутствия автономии [12].

На первый взгляд может показаться, что Штирнер так и не сказал самого главного: что же такое это индивидуальное Я? Иначе получается, что эгоист, живущий только ради своего Я, оказывается без опоры, без почвы под ногами, и “Я” становится такой же иллюзией, как “Бог”, “человечество” и “государство”.

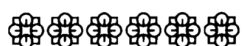
Штирнер игнорирует факт, что это, его собственная индивидуальность, высшая власть, стоящая за пределами добра и зла, наивысший авторитет для всего — это нечто смутное, меняющееся, неопределенное, различное в каждый новый день и, в конце концов, исчезающее вовсе. Действительно, нигде в “Единственном” не встретишь позитивного определения Я. “Все прочие вещи в мире можно определять идеями, собственное же Я мы должны пережить в себе как единичное” [9, с. 85]. «Основное определение штирнеровского “Я” состоит в том, что оно единственно», неповторимо, бесконечно сложно и своеобразно [3, с. 64–69].

Трудно переоценить роль М. Штирнера в деле концептуализации и обоснования эгоизма. К.А. Свасьян отмечает, что Штирнер первым расширил эгоизм до философии, выступив от имени своего эмпирического Я, не прикрываясь абстрактными понятиями. Он показал философии принципиально иной путь мысли, на котором философ уже не сможет оставаться сторонним наблюдателем бытия, а станет активным и деятельным его участником: “Штирнер — философ, впервые вспомнивший о себе, увидевший за идеями себя, а в себе господина идей. В Штирнере трансцендентальный субъект философии поглощается эмпирическим, соответственно: философское бытие не хочет больше быть только мыслью, а хочет быть — бытом” [7].

Как верно замечал А. Шопенгауэр: “Эгоизм так глубоко коренится в свойствах всякой индивидуальности вообще, что,

Макс Штирнер

когда необходимо пробудить к деятельности какое-нибудь индивидуальное существо, то единственно надежными стимулами для этого являются его эгоистические цели” [8, с. 105]. Поэтому Штирнер и говорит о Единственном, эгоисте. Ведь только он, будучи заинтересован в мире, сможет его преобразовать. Неверно было бы упрощать эгоистическую позицию Единственного, сводя ее исключительно к шкурничеству и стремлению к материальной выгоде. Самая ценная собственность эгоиста — его мысли. Он желает не накопления богатств, а возможности распоряжаться идеями, которые раньше были тиранами по отношению к индивидуальному Я: “Свобода существует только через эгоизм” [1, с. 43].

Штирнер был, возможно, первым, кто попытался последовательно теоретически обосновать эгоизм как моральную позицию. Но он точно не был последним. Символично, что в год выхода книги “Единственный и его собственность” родился Ф. Ницше, которого в плане развития идей эгоизма можно с полной уверенностью назвать продолжателем дела Штирнера.

Отношение Ницше к эгоизму неоднозначно. С одной стороны, он осуждает житейский эгоизм заурядных людей, эгоизм масс. “Одна из самых странных ошибок в истории этики — интерпретация учения Ницше как апологии простого эгоизма и эпикурейского распутства” [14, р. 317]. С другой стороны, эгоизм — оправданная позиция сильной и исключительной личности.

В отличие от штирнеровской этики моральное учение Ницше сложно охарактеризовать одним или несколькими терминами ввиду его многослойности и кажущейся противоречивости. Несмотря на то, что этическую программу Ницше принято называть индивидуалистической, сам философ выступает не только против коллективизма в морали, но и против индивидуализма, так как он “не ведает иерархии, желая дать одному точно такую же свободу, как и всем остальным” [6, т. 12, с. 255]. Таким образом, термин индивидуализм оказывается не вполне корректным. Ведь Ницше “не думает, что каждый человек по своему важен; что все имеют равные права; что прогресс состоит в том, чтобы сделать индивидуумов настолько свободными от социального контроля, насколько это возможно; что каждый должен жить своей жизнью и идти к счастью собственным путем” [20, р. 395].

Какое же определение будет наиболее точно характеризовать этическую доктрину Ницше? Зиммель предложил термин “персонализм”. “Личность — вершина человеческой эволюции, <...> те, кто направляют сами себя и творят свои собственные законы, сильные, завершённые образцы нашего вида, которые естественным образом управляют остальным человечеством, а если не управляют, то являются чем-то вроде полубожественной высшей расы” [5, с. 395—396].

Несмотря на то, что соображения Зиммеля кажутся вполне обоснованными, не будем спешить отказываться от индивидуализма и эгоизма, этих традиционных наименований центральной идеи этики Ницше. Действительно, для господ, людей высшего аристократического типа и тем более для сверхлюдей единственно возможная моральная позиция — индивидуально-эгоистическая установка. Только в ее рамках сильная и выдающаяся личность может утвердиться и самореализоваться.

На время вернемся к эгоизму представителей рабской морали. Как это ни парадоксально, но одним из источников обывательского эгоизма Ницше называет христианство. Провозглашая абсолютную ценность каждого человека и, таким образом, тотальное равенство, христианство дает повод каждому, даже самому сирому и убогому, возомнить себя важным и значимым. Таким образом, эгоизм обостряется до крайности индивидуального бессмертия [6, т. 13, с. 425]. Ту же мысль высказывает и Шопенгауэр, говоря о парадоксальности христианской этики: “Требовать же <...> бессмертия индивидуального сознания, для того чтобы связать с ним потустороннюю награду или кару, — это значит только рассчитывать на соединимость добродетели и эгоизма” [8, с. 70]. Такое соединение, конечно, абсурдно.

Ницше выступает за деятельный характер высших людей, осуждая обыденный, узкий, мелкий, заурядный эгоизм: превратное понимание эгоизма, со стороны “вульгарных натур, которые абсолютно ничего не знают о страсти к овладению и ненасытности большой любви, точно так же как и о льющихся через край чувствах силы, которые одолевают, влекут к себе, хотят лечь на сердце, — влечение художника к своему материалу” [6, т. 11, с. 205].

Пытаясь дать этическое обоснование эгоизма, Ницше говорит, что в нем укоренены все самые сильные и великие проявления человека: “Ничего иного, кроме эгоизма, и быть не может, — что у людей, у которых эго слабеет и истаивает, ослабевает и сила большой любви, — что те, чья любовь бьет через край, таковы благодаря силе своего эго, — что любовь есть выражение эгоизма и т.д.” [там же, т. 12, с. 293]. Эгоизм присущ людям сильным, здоровым, и лишь силу и здоровье надо поощрять и всячески развивать. Для слабых и больных есть альтруизм. Пусть они жертвуют собой ради оздоровления человеческой природы, пусть они умирают, спасая сильных. Только такой расклад сил может быть справедливым: “Альтруизм <...> это инстинкт, повелевающий раздобывать себе по меньшей мере какую-то вторую ценность, которая служила бы эгоизму других. Правда, этот альтруизм по большей части мнимый: он представляет собой обходной путь для сохранения собственного жизнеощущения, ощущения ценности” [там же, с. 322]. Интересно замечание Ницше о том, что с рождения человек более

К.А. Куреных
Эгоизм
как жизненная
позиция в трудах
М. Штирнера
и Ф. Ницше

альтруистичен, чем эгоистичен. И только со временем может достичь высшей формы эгоизма — эгоизм оказывается не щедрым подарком природы, а целью и задачей самовоспитания, что значительно увеличивает его нравственную ценность.

Таким образом, Ницше противопоставляет эгоизм как инстинкт и высшую форму личностного развития сильных людей эгоизму и альтруизму слабых и заурядных индивидов. Выбор философа оказывается в пользу первого, поскольку свою философию он посвятил поиску высшего типа личности:

“Свой тип человека, как идеал, Ницше поэтически воспел в своем Заратустре. Он называет его сверхчеловеком. Последний есть человек, освобожденный от всяких норм, желающий быть уже не образом и подобием Бога, не богоугодным существом, не добропорядочным бюргером и т.д., а самим собой и ничем, кроме этого, — чистый и абсолютный эгоист” [9, с. 99].

Кристин Суонтон в статье “Ницше и добродетели зрелого эгоизма” различает упомянутый зрелый эгоизм и три формы незрелых жизненных позиций: это эгоизм, требующий мгновенного удовлетворения любых потребностей, антисоциальный эгоизм, крайними формами которого являются насилие и жестокость, и альтруизм самопожертвования. Важно, что одно и то же качество человеческой природы может быть как добродетелью, так и пороком в зависимости от того, какой позиции придерживается человек. Например, властность для зрелого эгоиста — безусловная добродетель, свидетельствующая о силе и высоком уровне витальности. Если же волю к власти проявляет эгоист неумеренный и незрелый, то это качество может привести к крайней жестокости, которая в свою очередь является пороком [17].

Предпринимая попытку сравнения этических теорий Штирнера и Ницше, невозможно пройти мимо вопроса о влиянии первого на второго, который до сих пор остается открытым. Известно, что сестра философа Элизабет Фёрстер-Ницше, занимаясь изданием наследия брата, настаивала на оригинальности мысли Ницше и отрицала влияние на него Штирнера [13, р. 238]. Для столь категоричного мнения, тем не менее, есть некоторые основания. Ведь, как известно, Ницше в своих произведениях и в личной переписке не упоминал имени Макса Штирнера и не ссылался на него [10, с. 475].

Согласно исследованиям Франца Овербека, одного из ближайших друзей Ницше, в библиотеке Базельского университета есть запись о том, что некогда любимый студент Ницше Адольф Баумгартнер брал почитать “Единственного и его собственность” Штирнера. По словам самого Баумгартнера, этот труд ему горячо рекомендовал учитель [18]. Действительно, в том, что Ницше знал и читал Штирнера, сомневаться не приходится.

Достаточно остроумный ответ на загадку отсутствия ссылок на Штирнера при всем сходстве его идей с Ницше дает Пол Карас: в соответствии с учением Штирнера, нормы писательской этики не распространяются на эгоистов и индивидуалистов, отрицающих любые моральные авторитеты. Поэтому Ницше с полным правом мог воспользоваться идеями своего предшественника, не отдав ему дань уважения в виде ссылок на его труды [11].

Подытоживая рассуждения о возможном заимствовании Ницше идей Штирнера, можно с полной уверенностью констатировать: даже если исключить вариант непосредственного влияния на Ницше “Единственного и его собственности”, нет ничего удивительного в некотором тематическом единстве учений двух философов. Вероятно, и тот, и другой, каждый своим языком и со своими выводами, выразили общее настроение эпохи, ее главные проблемы, дилеммы и вызовы.

Вместе с тем: насколько идейно близки два мыслителя? Этот вопрос не имеет однозначного ответа. Было множество попыток сравнить этические теории Ницше и Штирнера.

Биограф и исследователь творчества Штирнера немецкий социалист Г. Маккей утверждает, что новизна идей Ницше сомнительна, и мода на его философию — лишь временное явление: «Лихорадочное увлечение Ницше, однако, начинает уже проходить. Придет день, — и “сверхчеловек” разобьется об “Единственного”» [5, с. 16].

Современный исследователь философии Ницше К.А. Свасьян уверен, что Штирнер и Ницше говорили об одном и том же только разными способами. «Родство обоих мыслителей настолько ошеломительно, что возникает вопрос: как бы сложилась философская судьба Ницше, найди он учителя не в Шопенгауэре, а в Штирнере. Он смог бы, по-видимому, избежать всей этой чарующей стилистики “сверхчеловека” и говорить о своих идеалах с такой же внятностью, с какой он ниспровергал идеалы чужие» [7].

О. Эвальд замечает, что, несмотря на принадлежность обоих философов к одной и той же идеологеме, между ними есть большая разница. В философии Штирнера индивидуа-

Фридрих Ницше

лизм является окончательным и абсолютным. Тогда как для Ницше реальность собственного эго так же призрачна, как и реальность внешних вещей или навязываемых человеку ценностей [16].

А. Леви также настаивает на поверхностном характере сходства учений Штирнера и Ницше. Автор указывает ряд черт, которые ярко показывают порой даже антагонистический характер их мысли. Например, Штирнер мечтает о равенстве всех эгоистических “я”, Ницше же воспеваает аристократический идеал политической и социальной жизни, при котором “благородство высшего класса оправдывало бы существование массы рабов” [10, с. 477]. Штирнер бунтует против любых норм и правил, в то время как Ницше ищет новые высшие ценности. Штирнер воспеваает вседозволенность, а Ницше говорит о необходимости суровой дисциплины.

Г. Зиммель сравнивает Штирнера и Ницше с софистами и обнаруживает, что Штирнер со своим релятивизмом вполне соответствует духу софистов, а Ницше, несмотря на поверхностное сходство, — нет. Ницше противен декадентский дух мелкого эгоцентризма [21, р. 162].

В своей книге “Ницше и философия” Ж. Делез проводит различие между двумя философами по линии их отношения к гегельянству. Безусловно, Штирнер борется с мистификаторским характером гегелевской философии и диалектики, но средствами самой же диалектики. «Но именно потому, что Штирнер мыслит еще как диалектик, поскольку он не уходит от таких категорий, как собственность, отчуждение и его устранение, он сам попадает в яму небытия, которую роет у подножия диалектики. Кто есть человек? Я (moi), ничего, кроме “я”. Он пользуется вопросом “кто?”, но лишь для того, чтобы растворить диалектику в небытии этого “я”. Он не способен поставить этот вопрос в иных перспективах, нежели перспективы человеческого, в иных условиях, нежели условия нигилизма. Он не может ни позволить этому вопросу развертываться в самом себе, ни поставить его в связи в каком-то иным началом, которое дало бы на него утвердительный ответ» [2, с. 322–323]. Ницше же, напротив, ясно видя теологический и христианский характер гегельянства, решительно отбрасывает диалектику прочь.

Несомненно, критические программы Штирнера и Ницше, особенно в отношении морали и религии, очень близки. Правда, по мнению М.А. Курчинского, Штирнер критикует мораль, потому что она увлекает в заоблачные дали, а Ницше — за то, что она обедняет и принижает жизнь.

Оба философа выделяют из мира индивидуальное Я, которое в первую очередь представляет собой волю. И Штирнер, и Ницше критиковали также государственное устройство со-

временного им общества, говоря о праве сильной личности на собственную позицию не только в повседневном общении, но и в общественно-политической практике. Они отвергали принцип всеобщего равенства, так как он лжив, лицемерен и придуман только для того, чтобы заковывать в прочные узы свободу сильных и ярких индивидуальностей. Э. Фромм отмечает сходство Штирнера и Ницше и в оценке межличностных отношений, например, для обоих философов “потребность в любви типична для рабских душ, не способных бороться за свои желания и пытающихся получить желаемое через любовь” [10, с. 543].

Похожими оказываются и позитивные программы двух философов. Их ядром оказывается и в том, и в другом случае некий этический идеал (у Штирнера это Единственный, у Ницше — сверхчеловек). “По мысли Михайловского, очень схожи и идеалы личностей у Ницше и Штирнера: у обоих вызывает восхищение высший тип индивидуалиста. Ницшевский эгоцентрист во многом так же силен и независим, как и штирнеровский”; “... оба философа показывают, что в индивидуализме (эгоизме) как таковом нет ничего дурного” [4].

Но при всем сходстве этих идеалов они отличаются в некоторых принципиальных моментах. Эгоистом в штирнеровском смысле может стать любой, кто освободился из плена иллюзий и абстрактных идей. Эта программа кажется вполне выполнимой для каждого человека. Сверхчеловек Ницше — новый тип человека, не только в моральном и духовном плане, но и в биологическом. Сверхчеловек — задача будущего, и вполне вероятно, что это будущее наступит не скоро. Некоторые исследователи считают, что этому идеалу не суждено осуществиться вовсе: Дж. Сантаяна пишет, что сверхчеловек — это не возможность, это всего лишь процесс и утопия [19, р. 143].

Для Ницше первыми вестниками появления сверхлюдей являются носители морали господ. Но и они чрезвычайно редки в мире, оказываясь скорее исключением, чем нормой. Тогда как для воплощения идеала Штирнера достаточно индивидуальных усилий свободной личности. Чтобы появился сверхчеловек, вся человеческая природа должна измениться, для чего недостаточно персонального волевого акта.

Безусловно, Штирнер и Ницше очень близки по духу. Можно сказать, что в своей философии они преследовали одну и ту же цель — изменить мир через изменение самого человека. Но нельзя игнорировать существенных различий, начиная со стиля написания философских произведений, заканчивая этическим идеалом. Возможно, Единственный Штирнера мог бы стать прекрасной иллюстрацией человека морали господ Ницше и, таким образом, переходным звеном от человека к сверхчеловеку.

Литература

1. *Бурдо Ж.* Властители дум: Пророки силы, добра и красоты. Ренан, Штирнер, Ницше, Толстой, Рёскин. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
2. *Делез Ж.* Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003.
3. *Ильин И.А.* Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма) // Вопросы философии и психологии. 1911. № 106.
4. *Клюс Э.* Ницше в России. Революция морального сознания. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/klust/?curPos=4> (дата обращения 25.06.2015).
5. *Маккей Дж.Г.* Макс Штирнер: его жизнь и творчество. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010.
6. *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. / Пер. с нем. В.М. Бакусева; Ред. совет: А.А. Гусейнов и др. М.: Культурная революция, 2005–2012.
7. *Свасьян К.А.* О конце истории философии. URL: <http://rvb.ru/swassjan/rastozhdest/11.htm> (дата обращения 25.06.2015).
8. *Шопенгауэр А.* Метафизика половой любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
9. *Штейнер Р.* Эгоизм в философии. М.: Evidentis, 2007.
10. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994.
11. *Carus P.* Nietzsche and other exponents of individualism. Chicago: Open Court Pub. Co., 1914.
12. *Castellano D.J.* Max Stirner versus Morality. URL: <http://www.arcane-knowledge.org/philtheo/stirner.htm> (дата обращения 13.09.2015).
13. *Conversations with Nietzsche: A Life in the Words of his Contemporaries / Ed. by Sander L. Gilman.* Oxford University Press, 1987.
14. *Eckstein W.* Friedrich Nietzsche in the Judgment of Posterity // J. of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. № 3. P. 310–324.
15. *Epps H.* Altruism. Lulu, 2012.
16. *Ewald O.* German Philosophy in 1907 // The Philosophical Review. 1908. Vol. 17. № 4.
17. *Nietzsche’s on the Genealogy of Morality. A Critical Guide / Ed. by S. May.* Cambridge University Press, 2011.
18. *Safranski R.* Nietzsche: a Philosophical Biography. N.Y.: Granta Books, 2002.
19. *Santayana G.* Egotism in German Philosophy. L., Toronto, 1916.
20. *Salter W. M.* Nietzsche’s Moral Aim and Will to Power // International J. of Ethics. 1915. Vol. 25. № 3.
21. *Simmel G.* Schopenhauer and Nietzsche. University of Illinois Press, 1991.